

Литературный МОЯК

№ 2
(219)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Тепличный

СЛОВО РЕДАКТОРУ

Любезный читатель, здравствуй.

«Я живу в мире, в котором нет волшебной палочки одной на всех. Она у каждого своя. И если бы все это поняли сегодня, мы бы смогли его изменить. Мир бы стал для каждого таким прекрасным, какой он и есть на самом деле. Просто многие не понимают, что волшебная палочка в руках у каждого. Но только когда мы все вместе поймём это, тогда она и появится в этом мире. Это утопия, казалось бы, но за этим будущее», - слова эти написал в одном из писем поэт Александр Башлачёв.

Я их только что прочитал, и так они мне понравились, что тут же и делюсь ими.

Слово, поэзия и молитва, даны нам в утешение и надежду на лучшее, которое есть в каждом из нас. Я верю в это, как в волшебную палочку, которая однажды вернёт мир к изначальной простоте и красоте. Я слышу исполнение этой мечты в стихах любимых поэтов, в голосах друзей...

Весь пасмурный дождливо-снежный день бродили мы по Вологде с моим другом, что приехал аж из другой ныне страны - Казахстана, с Рудного Алтая, чтобы подышать русским воздухом, постоять у могил Рубцова и Батюшкова, поставить свечу в храме... А мы-то живём и не помним, что живём в лучшем городе на всей большой земле...

Слова молитвы, стихи Башлачёва и Батюшкова, снег, летящий на храм Софии и на детей (а их не счесть!), тихий храм, вблизи которого жил Николай Рубцов... Русь! Всё это милосердно дано нам. Это же и есть та самая «волшебная палочка», о которой писал Саша Башлачёв, которую надо увидеть, почувствовать в своих руках (в душе своей), чтобы мир и сегодня был таким же прекрасным, какой он и есть на самом деле.

А вот и стихотворение моего друга...

Юрий МАНАКОВ

ФЕВРАЛЬ

Там, на заснеженном откосе,
Куда моя тропинка вьётся,
Калины гроздь на морозе
В лучах проснувшегося солнца.
На толстой ветке чернотала
Заиндевелая сорока.
И видно - как она устала,
И слышно, как ей одиноко.
Я прохожу под ней по тропке -
Не стрекотнёт, хвоста не вскинет -
Настолько ей, должно быть, знобка,
Как, впрочем, знобка многим ныне.
Но вдруг мелодия иная
Души коснётся колокольцем:

Теплом калину
наполняют
Посланцы
Сретенского
солнца!

И эти стихи
тоже помогают
мне жить. Спасибо.

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

Приближается 23 февраля. Этот день, ещё не так давно называвшийся «Днём Советской Армии и Военно-морского флота», а ныне - День защитника Отечества, давно уже утратил свою идеологическую подоплёку и остаётся просто «солдатским праздником», днём, в который вспоминают о своей службе все мужчины, честно отдавшие Родине воинский долг...

Сегодня проводы в армию и над городом торжествует и плачет вечная музыка марша «Прощание славянки». В отличие от бравады и стальной уверенности в победе военных маршей она вызывает во всех слышащих её какую-то необыкновенно светлую грусть, тревогу и даже нежность. Всё подчинено ей: и эти принародные поцелуи, и опустошающая душу мысль, как он (она) будет без меня, и желание обнять, чтобы никогда не расставаться. А ещё злость на тех, чьей волей произойдёт это тревожное расставание. К тем, кто после протяжной команды: «По машинам!» возьмёт на себя ответственность за судьбы молодых ребят, пока ещё уверенных в своей исключительности и обязательном героическом возвращении. Возьмёт ли?

А где-то гремит война, разгулявшаяся смерть не щадит ни правых, ни виноватых и радуется, что за тысячелетия своего существования мы не научились жить в мире. Под «бабочками» и галстуками вершителей судеб до сих пор бьются тупые сердца неандертальцев.

От военкомата ухожу старым парком. Вот по этой аллее не раз проходил писатель Пришвин. Однажды он написал: «У меня своё, у тебя своё, у него..., а вместе это Родина. Чувствовать вместе «своё» мы научились на войне». Вот он, русский характер. Чтобы осознать необходимость единения, обязательно нужна какая-то беда.

Я трогаю холодный ствол липы. Наверное, она знала, каким ушёл на русско-турецкую войну мой прадед. В 1877-78 годах он оборонял Шипку.

Век спустя болгарка-гид рассказывала мне, советскому туристу, о той трагической обороне. Зима в то время выдалась необычайно суровой, и многие русские воины просто замёрзли на обжигающем горном ветру, но не ушли, не сдали туркам стратегически важную высоту.

Когда туристическая группа поднялась на Шипку, там тоже было ветрено и холодно. Многие из нас поспешили вернуться к подножию. У русских солдат - освободителей Болгарии, Румынии, Сербии, Черногории - такой возможности не было.

Мой дед, Сергей Прокопьевич, в Первую мировую был ранен в колено химической пулей. В Гражданскую воевал в легендарной конной Будённого, и вместе с ней прошёл с боями десять тысяч километров. Это из его рассказов я узнал о страшном переходе из Туркестана до Черного моря. Люди засыпали в

Репродукция картины «Прощание славянки» (Художник Константин Васильев).

Николай АЛЕШИНЦЕВ

Воинство Господне

седлах, лошади умирали под всадниками, их меняли, отбирая других у крестьян попутных станиц. Армия с боями шла к цели. Дед часто видел Будённого, когда командарм выступил перед солдатами и в завершении своей речи матерился в адрес «белой сволочи», вызывая в среде кавалеристов уважение и уверенность в правильности выбранного дела. Полному Георгиевскому кавалеру (а по Уставу рядовому, имеему Георгиевский крест, обязаны были отдавать честь генералы), ему предоставлялись значительные в царское время льготы, но Будённый выбрал революцию.

Можно много говорить о кровавости гражданских войн и революции. Но ведь кто-то доводил и доводит народ до такого состояния, когда чаша народного терпения переполняется, и бунт видится единственным и действенным способом борьбы за справедливость.

Сейчас, когда по книгам я многое знаю о трагедии «белого» движения, о его героях и мучениках, мне ничего не приходит в голову, кроме слов прощения и покаяния для тех и других. Для красных и белых. Для наших.

Рок судьбы или бездарность правителей бросали моего деда то на соляную корку озера Сиваш, то в молдавские сады, где по палаткам стучали переспевшие яблоки, то в заснеженную украинскую степь, где их - победителей, возвращающихся на родину эшелонам - на целых две недели остановила метель. Они жили в оторванном от мира поезде, голодали, замерзали, и многие сходили с ума, потому что им грезились молдавские яблоки.

Деду спасли жизнь восемнадцать черных сухарей, которые он ел одному в сутки. И вернулся.

А вот его сын Савватий сложил свою голову в открытой всем ветрам степи под Сталинградом.

Кого судить, кто ответит?

Почему я, достаточно благополучный житель нынешней России, пишу об этом? Боюсь, очень боюсь, что всё забудется, разрушатся памятники, уйдут ветераны, и правда, и трагедия русского воинства растворится в космической пыли. Слава Богу, я ещё имел возможность говорить с непосредственными участниками, нет, не героических, а скорее горьких, событий последней войны. Мне думается, что идущее за нами поколение тоже должно о них знать. Хотя бы для того, чтобы ненавидеть войну.

В 1944 году, при освобождении Румынии, мой отец спросил крестьянина, хорошо знавшего русский язык: «Ответь мне на один вопрос: когда вам жилось лучше - при Антонеску или при нас?» Румын даже не задумался: «Лучше жилось, когда Антонеску уже сбежал, а вы ещё не пришли». Уже по этому ответу можно было предвидеть, что освободители скоро станут оккупантами. Ни один народ не живёт без чувства собственного достоинства, и братство не дань Бога, а тончайшая нить, сохранить которую возможно только мудростью и уважением. Ни чем более. И уж тем более не пушками.

Моя армия. Так считало поколение моих родителей и моё поколение. Мы гордились ею и шли служить с твёрдой уверенностью, что без нас она не обойдётся. Уходить было грустно, и сердце щемило предчувствие чего-то нового, неизведанного. Но верилось в лучшее.

Это потом будут подонки, рабы и хамы среди «стариков» сержантов и офицеров, стремящиеся разделить

нас по году призыва, национальности и по нашей вере...

Зато об истинных отцах-командирах, об армейских друзьях память сохранится до конца жизни.

И в мирное время мы делали маленькие подвиги ради тех, кого полюбили за справедливую строгость, за понимание наших чувств, переживаний и проблем.

Как-то вы сейчас, дорогие мои офицеры: капитан Левченко, старший лейтенант Куянец, капитан Нетименко, майор Ермишин?

Где вы, рядовые Браулов, Кучко, Симоненко, Халбаев? Не в разных ли странах мы живём?

А я всегда хотел, что если в атаку - то с вами.

Неужели кто-то из вас, по указанию очередного параноика, пошлёт своих сыновей стрелять в моего, совершенно ни в чём не виновного, сына? Сквозь чистые слёзы воспоминаний вижу нас вместе на праздничном параде в честь Победы, одержанной нашими отцами. Нас, чьи сердца бьются, как единое целое. Нас, чьи лица так похожи на лица не пришедших и вернувшихся солдат прошедшей войны.

А в парке молодая мама прячется за берёзку от своего малыша. Он сначала спокойно обходит одно дерево за другим, заглядывая за тумбы и под скамейки. Но мамы нет. И я вижу, как наполняются слезами глаза малыша, и вот уже сквозь прорвавшийся детский плач слышатся горестные слова: «Оставила! Оставила!» У мамы, выбежавшей из укрытия, на глазах слёзы и страх. Она неловко поднимает малыша и, оправдываясь, шепчет: «Разве я тебя оставлю, малютка моя, как ты мог такое подумать?»

Россия! Никогда не оставляй своих сыновей!

***
Я остался без стаи.
Все пропали в пути.
Одиноко летаю.
Друзей не найти,
чтобы в ритме едином
бились наши сердца.
Чтобы друг не покинул –
шёл со мной до конца.
Неуютно мне в небе.
Тяжело на земле.
Не избалован хлебом.
Не изнежен в тепле.
В одиночку пытаюсь
беспоощадностью слов
уязвить подлещов...

Не хватает мне стаи!

***
Дмитрию Ермакову
Всё чаще
в себя ужою,
друзей понимаю
лишившись.
В души закоулках брожу,
на ключ лицемерья
закрывшись.

Так проще.
Без споров и ссор,
- протест хоть в груди
затаился,
- молчаньем обходим мы

сор,
в избе что у нас
накопился.

В своей прибираюсь душе.
Безжалостно
хвойной метёлкой
я вывел оттуда уже
наивности прежней
осколки...

МОЯ ЗЛОСТЬ

Я злостью - добр!
Я с ней сильнее.
Она,
как любящая мать,
ткнёт подзатыльник побольнее,
чтоб не пытался раскисать.

Злость ненавидит
равнодушие
и гонит подлость от ворот.
Обиды слёзы
она сушит
и расслабляться не даёт.

Жаль:
она часто –
глас в пустыне,
когда иду за правду в бой...
Но сердцу
не даёт остынуть -
огонь святой
протестный мой...

***
Мне хочется,
как в юности далёкой,
подняться беззаботно
над землёй -
душою воспарить
над ней высоко,
как будто среди птиц
я житель свой.

Как будто всё
чудесно и завидно,
отменно нынче всё
в судьбе моей.
За прожитые годы
не обидно.
И не пришлось
сдавать
в музей друзей.

Как будто не тонул
в болотной топи,
коварно перекрывшей
торный путь.
В загульной похвальбе
шутя не пропил
искр божьих,

Евгений НЕКРАСОВ

И отогреть её
приветливым лучом...

В НЕПОГОДУ...

Снова
сердце бешено стучит.
Снова
непогодит и метелит.

На ветру болтаются
качели.
У дверей
продрогший пёс скулит.

Не унять мне
сердца знобкий стук -
оно птицей бьётся
в непогоду.

Не осилить буйства
зимних вьюг.
Не смирить
неистовство природы!

У печурки тёплой
посижу.
Дров
в огонь прожорливый
подкину.

О прошедшем лете
потужу.
И пушу в избу
погреться
псину...

В непогоду...

согревавших грудь...
Так хочется
про всё забыть
осенним
рыжеволосым
синеокиим днём!
И воспарить душой
в рывке последнем.

Волчья кровь

Дмитрий ЕРМАКОВ

Рассказ

Вспоминалось
давнее. Был он тогда
просто Мишкой.
Жил тут, вот в этом
доме, с матерью и
старшей сестрой.
Отца он почти не
помнил, тот рано
умер, так и не оправившись
от фронтовых ран.
Голодно жили, потом
получше, но всё равно
тяжело... Сестра
уехала учиться в город
и больше уже не
вернулась в деревню,
мать ломила на ферме.
Он, как мог,

помогал. Окончил среднюю школу
и тоже пошёл в колхоз - разнорабочим.

Было ему в то лето восемнадцать.
Запил колхозный «гуртоправ» (так
писалось почему-то в документах,
а попросту - пастух). Вот его, Мишку
Волохова, и нарядил председателем:
тебе, мол, это дело знакомо.
Пастух Матвей Иванович жил в
соседнем доме и, бывало, брал Мишку
с собой подпаском.

В те дни неподалёку встал табор.
Давно уж не бывало цыган в их краях
- появились... Как-то днём в
выгороду, огороженный забором
кусок леса, где паслось стадо,
приехал на лошади цыган...

И договорились они... Хорошие
деньги цыган предложил. Мишка
не отказался.

Мать из последних сил вкалывает,
сестре в город отправляет - деньги,
продукты. «Я всю жизнь в навозе,
пусть хоть дочь по-человечьи поживёт»,
- говорит она. Мишке обидно -
ему тоже хочется «по-человечьи». Но,
нет, он не о себе, о матери думает
(сам себя так уговаривал - помогу,
мол, матери). А когда получил от
цыгана деньги, так и не отдал ей,
но и потратить не сумел, не придумал
даже, на что потратить...

Так всё сделали цыгане, что все
и поверили, будто двух коров волки
задрали («обглоданные» кости
были тому подтверждением). Только
удивлялись, что летом.

Устроили местные охотники
облаву. Нашли в округе три логова.

Мишка Волохов тоже в охоте
участвовал - старая отцова
одностовка в доме была. Он-то и
выстрелил, когда метнулась из-под
выворотня серая тень. Волчица с
визгом заку-

тилась на траве, будто пытаясь
укусить себя за хвост. И замерла.

В норе нашли четверых волчат...
Серый возвращался с охоты. В
лесу было опасно. Запах человека
(страшный для любого зверя)
чувствовался везде. Уже несколько
раз слышал Серый вдалеке гром
выстрелов. Но надо было кормить
волчицу и волчат - и своё волчье
дело он совершил. Поймал и
придавил зайца. В зубах нёс добычу
к логову. И чем ближе, тем сильнее
этот опасный человеческий запах.
Он уже непереносим! И Серый
ушёл бы, спрятавшись бы, если бы...
Он оставил добычу в траве и
осторожно пошёл к логову... Запах
человека и запах крови, волчьей
крови, оглушал.

Не было волчат, не было волчицы...
Серый остался один.

Цыгана в райцентре на рынке с
мясом взяли (всё-таки не поверил
участковый и опытные охотники в
волчье нападение). Цыган сразу и
пастуха сдал, у которого купил
колхозных коров. Дали Мишке
Волохову пять лет.

С волками жить - по-волчьи выть:
блатные волчи повадки он крепко
усвоил за те годы.

В ту зиму волки, собравшись в
стаю, бродили вокруг деревни,
сожрали почти всех дворняг. Люди
опасались на лошадях за деревню
ездить. Снова облаву устроили.
Ушёл за флажки только матерый
вожак. С тех пор волков у деревни
долго не видели.

Через пять лет Волохов вернулся
домой (решил всё-таки с волчьей
жизнью завязать). Снова в колхоз
устроился. Зимой поехал к дальним
стогам... Вилами стожок в розвальни
перекидал, верёвкой стянул, сам
с боку приляделся. Понукнул
лошадку. Темнело уже, но дорога
была хорошо известна и ему, и лошади.
Волков давно в округе повывели...

Волохов знал, что нападают они
стаями... Этот был один - огромный
серый хищник. Выскочив откуда-то
сбоку, сразу нырнул под лошадь. И
она пала, и потроха, вывалившиеся
на снег, дымились.

Волохов кинул в волка топор.
Мимо. Взял наизготовку вилы.
Волк стоял, смотрел безжалостными
жёлтыми глазами. И вдруг закинул
голову и завыл. Ему отозвались.
И вскоре стая в десяток голов
рвала на глазах Волохова мёртвую
лошадь.

- Опять завыл... Точно, он, не ошибёшься...
Но не может ведь этого быть... Не может,
не может...

Лунный свет пробивается в неплотно
задёрнутое окно. Холодный, ночной,
леденит душу, как волчий вой. И силы
нет встать и задёрнуть тряпичную
занавеску...

А может, и не было никакого воя?
От одиночества что угодно может
почудиться... Нет, одиночества он не
боится, он любит одиночество...

Изба родительская ещё крепка,
печь натоплена жарко. Запас картошки,
капусты и прочей овочки в подполье
имеется. Даже телевизор у него есть.
Но не хочется и смотреть-то. Чего он там
не видел? Надоело... До весны будет
один, в апреле соседи-дачники приедут.
Да ещё Колька-скупщик на следующей
неделе должен заехать, до большака-то
придётся к нему на лыжах идти...

Опять завыл. Нет, не почудилось -
вон, сучка в конуре на улице заскулила.

- Ничего, небось, не сунется!...
Волохов всё же поднялся. Сунул ноги
в растоптанные валенки, накиннул
фуфайку, шапку на голову приткнул,
вышел на мост, соединяющий избу с
двором и поветью (он не стал по
примеру многих соседей разбирать
двор на дрова), спустился на крыльцо...
Морозом перехватило дых...

Тишина, какой никогда не бывает
в городе - полная тишина. В чёрном
небе холодная россыпь звёзд и луна,
разливающая свет на ночной мир - на
тёмные дома деревеньки, белую равнину
луга, зарастающего уже кустами,
близкий чёрно-белый лес...

- Чужа! - негромко позвал Волохов.
Собака, брякнув цепью, лишь высунула
из конуры нос.
Он пошёл к ней по скрипкому снегу.

- Чужа, ко мне! - собака метнулась
под ноги, засучила хвостом.

Хорошая у него лайка, рабочая.
Присел перед ней, взял руками голову,
в глаза заглянул:

- Страшно тебе, страшно... - И собака
заскулила, отвела глаза, поджала
хвост.

- Ну, пошли, - отстегнул цепь, впустил
в дом. В избу не взял (нечего собаке
в людском жилище делать), на мосту
оставил. Вынес ей похлёбку из белок.
И собака, погремев миской, утихла за
дверью.

Распаленные шкурки белок сохнут у
печки, ещё ворох уже выделанных висит
на стене, тут же и несколько кунных
шкурок благородным серебром отливают...

Ночь Волохов промаялся, утром,
сразу зарядив один ствол пулей, а
второй дробью, пошёл в лес.

Он бежал по санной дороге двенадцать
вёрст, отступая, падая, проваливаясь
под наст... И в ушах стоял тот вой...
И от боли и бессилия Волохов и сам
выл...

Он уехал в город, там встретил
лагерных приятелей, и закурила его
опасная весёлая жизнь. Через год
снова сел. Теперь уже на десять лет.
От звонка до звонка отбыл.

Освободившись, в деревню уже не
поехал (мать к тому времени умерла),
но с прежними друзьями-приятелями
завязал. Первое время перебивался на
разных работах - рыл канавы,
разгружал вагоны. Не по нему это было.
Но и работать на заводе, опять же «от
звонка до звонка» - не хотел. Приятель
позвал - и он устроился работать в
пожарную охрану, сутки через трое. А
в свободные от дежурств дни стал ездить
на охоту. Каждый год брал лицензию
на лося (да случилось и без лицензии
добывать), зимой - зайца, белка,
куница...

Не женился, хотя «подруги» были.
«Я одинокий волчара», - сам о себе
говорил. С сестрой не дружил, редко
виделись. В деревне тоже очень редко
бывал...

Но когда сестра решила дом продавать
(дом на неё был записан), купил у неё
(родной дом купил!). Захотелось поближе
быть к лесу и охоте...

Весной приехал - вспахал и засадил
огород, летом подладил дом, осенью
окончательно переехал (впрочем,
однокомнатное логово за собой в городе
оставил). С покупателем пушнина он
давно уже был знаком, знал, что на
жизни себе заработает...

И снова этот вой. И Волохов застонал-завыл - от одиночества,
от понимания, что жизнь его мимо...
Мимо счастья... Мимо любви...

Он схватил ружьё, сунул в карманы
патроны с пулями, вставляя на ходу
патроны в стволы, выбежал. Собака не
стал звать, один пошёл за оградой и
сразу увидел его - в лунном свете,
подняв морду, воет...

Волохов выстрелил, но волк даже не
шевельнулся. «Ах ты... Ах ты...»
Волохов подошёл ближе, прицелился,
выстрелил... Волк вздрогнул, присел,
но тут же поднялся и не быстро,
прихрамывая, побежал к лесу. Волохов,
вышвырнув горячие гильзы, вставил
новые патроны и по насту пошёл за
волком, по кровавому следу. Снова
выстрелил, увидел, как опять упал волк.
Но поднялся и, вскинув морду, снова
завыл... Волохов провалился по пояс,
не стал выбирать на твёрдое, встал на
колени, плотно вдавил приклад в плечо,
поймал на мушку лобастую волчью
голову...

Справа и слева обступали его
неслышные серые тени...

Сплетение судеб. Ещё о младшем брате Николая Рубцова

В редакцию «Маяка» пришло письмо из посёлка Молочное от Екатерины Ивановны Мазохиной. В «Маяке» уже публиковались её воспоминания о Валерии Гаврилине и Сергее Чухине... На этот раз Екатерина Ивановна откликнулась на публикацию «Литературного маяка» и предложила материал, как мне кажется, особенно интересный всем, кто интересуется творчеством и судьбой Николая Рубцова, его окружением.

Невольно думается - как тесен мир, как переплетены судьбы. Николай Рубцов, уже взрослый, много раз бывал в гостях у своего друга Сергея Чухина, но и знать не знал, что здесь, в Погорелове, жил и учился его младший братишка, с которым разлучила его война и судьба...

Публикуем письмо с небольшими сокращениями.

Спасибо Екатерине Ивановне Мазохиной, замечательному педагогу, за её память, сохранившую для нас дорогие черты композитора Гаврилина, поэтов Рубцова и Чухина, и ещё многих и многих людей, не ставших столь знаменитыми.

А в ближайшее время я обязательно съезжу к Екатерине Ивановне. Ей есть о чём вспомнить, рассказать...

Д. Е.

«...В газете «Маяк» за № 6 от 26 января сего года прочитала публикацию Леонида Вересова «Младший брат Николай Рубцова» и хочу сообщить достоверные сведения о нём, о неизвестном периоде его жизни, который много лет прошёл в Погореловском детском доме Вологодского района, что находился в с. Погорелове, где я работала (1945 - 1953 г. г.) после перевода из Кубено-Озерского детского дома...

Ещё до начала моей работы, может, в 1943 - 44 годах, в Погореловский детский дом поступили дети дошкольного возраста из Красковского детского дома, в числе их был Борис Михайлович Рубцов.

В публикации Л. Вересова годом его рождения значится 1937. Это неверно, он был младше. Личное дело я не видела, но об этом говорят фотографии...

Борис говорил, что у него есть брат, но не говорил, что они вместе

На фото: коллектив воспитанников и работников Погореловского детского дома, сентябрь 1949 г.

В центре - директор М. Ф. Ульянов, слева от него Е. И. Мазохина. Внизу, 1-й ряд, второй слева - Борис Рубцов.

были в Красковском детском доме. Николай Рубцов о себе писал, что воспитывался в Никольском детском доме. Когда Николай Рубцов

стал известным поэтом, я задумывалась о том, что они с Борисом братья, но меня брали сомнения... Борис ростом был неболь-

шой, черноволосый, учился по-среднему. Где он находился после Погореловского детского дома, я не знаю. Но перед закрытием Погореловского детского дома несколько воспитанников были направлены в Шельгинский детский дом в 6-8 км от Вологды. Был ли Борис в этой группе, мне неизвестно.

По достижении возраста воспитанников-мальчиков устраивали в ремесленные училища, ФЗО, девочек - на льнокомбинат. Предполагаю, что Борис до армии находился в Вологде, работал.

В публикации Л. Вересова есть упоминание, что Борис уже взрослым болел лишаем. Это повторное заболевание. В детском доме мальчики, и в их числе Борис, тоже переболели им. Лечились долгое время в диспансере города Вологды. Мы, воспитатели, по очереди по неделе работали там, ибо обслуживающий персонал диспансера с ними не мог справиться.

Сожалую, что Борис рано ушёл из жизни...

И ещё несколько слов о Погореловском детском доме.

Работа моя в нём была, как и жизнь, как на вулкане - извергается, затухает. За восемь лет работы сменились пять директоров. Я была шестая. Год работала за директора, «на постоянство» не соглашалась, в документах писала «и. о.»...

Приезжайте ко мне, я ещё могу много рассказать о жизни воспитанников...

С уважением
Екатерина Ивановна
МАЗОХИНА.

СТИХИ

Виктор ТАРАСЕВИЧ

РЕЧКА КОЙ

Какое странное название
У этой тихой речки - Кой!
В награду или в наказание
Подверглась участи такой?
И ничего в ней необычного,
Таких речушек и не счесть!
А вот название непривычное -
То наказание или честь?
Течёт, бежит себе по камушкам
Среди берёз и ивняка.
На радость дедушкам
и бабушкам,
И для потомков - на века.
Кто дал такое ей название?
И чьей начертано рукой,
Словно в любви своей
признание,
На картах имя речки - Кой?
Имён немало неразгаданных...
Текут и Дон, и Енисей...
И вот ещё задачка задана:
Речушка Кой - ты чья?
... Ты чей?

Александр ЧИРКОВ

САМОСОРКА

Самосорка - река, впадает в Шексну напротив села Мякса. В последние годы приезжие рыбаки и охотники стали называть речку «Логинкой» - это неправильно. Мы, местные уроженцы, помним истинное название нашей речки.
Самосора, Самосорка,
Самосорочка!
Ты река, ты не в стогу иголочка!
Не великая река, и не ручей,
Без плотин, портов,
торжественных речей...

Самосора, Самосорка,
Самосорочка -
В сердце родины -
щелящая засолочка!

Мы разъехались,
но ты отводишь беды,
А в земле твоей прабабушки,
прадеды...

Самосора, Самосорка,
Самосорочка!

Вьёшься ты, как дым
от дедовой махорочки,
От тоски бывает что ли,
иль от счастья -
Над тобой то солнце светит,
то ненастье...

Самосора, Самосорка,
Самосорочка!

Засыхает на ветру
горбушка-корочка,
Словно не было тех сёл
и деревень -

Стал от прошлого оторван
этот день...

Самосора, Самосорка,
Самосорочка!
Не утонет в тебе

наша память-лодочка!
Пусть плывёт она
и в новых поколениях,
Не предаст твоё название
завению!

Самосора, Самосорка,
Самосорочка!
Вкруг тебя растут сосна,
берёза, ёлочка...
И шумит на ветру тихо бор:
«Шайма сор... Шайма сор...»,
И поёт заповедный простор:
«Шайма сор! Шайма сор!»

Владимир ЗАХАРЬИН

О РОЛИ РЕК (из поэмы «Угра»)

Жизнь человечья
связана с рекой.
Хоть с этим в ряд ли
кто-то станет спорить,
Я повторюсь:

О роли рек

Не с озером,
Не с морем -
Жизнь человечья
связана с рекой!

С речушкой
в десятки вёрст длиной,
С лесным ручьём,
С протокой возле сада
Или с мегаметровой

громадой -
Жизнь человечья
связана с рекой.

Росли вдоль рек
деревни, города.
Река спасёт от голода

и жажды,
И даже враг -
жестокий и отважный -
В речной пучине
сгинет без следа.

Мы к рекам привыкаем
с детских лет.
Учебники истории листая,
Мы рано или поздно понимаем
В названьях рек
следы иных примет...

Вот Цезарь реку перешел,
Поправ
Статьи любых моралей

и законов,
Для сотен тысяч
новых рубиконов
Установив придуманный устав.

Потом на Калке наша рать легла.
Из воинов не вышло
дипломатов,

И - стол с скамьями -
Тяжкая расплата
За веру
в вражьи чувства и слова.

Ну а потом,
Вступив в неравный бой,

В пространстве
меж Непрядвою и Доном
Великий князь
сумел найти резоны
Безжалостно расправиться
с Ордой.

Чуть позже взвисли
над Березиной
Проклятия французские
и стоны,

И наша речка
Символом разгрома
Сумела стать агрессии любой.

А сколько черных речек
на земле
Текут и ждут
намеченного часа?!

Хоть смерть всегда нелепа
и ужасна,

Но смерть поэта -
Тягостней вдвойне...

Любовь ФЕДУНОВА

У ЧЁРНОЙ РЕЧКИ

Гуляет белая метель
у Чёрной речки,
И тихо плачут на ветру
берёзы-свечки.

И пистолеты на снегу,
и кровь струится.
Идти я дальше не могу...
Остановиться?

- О, Муза, миг останови,
спаси поэта,
ведь песнь последняя его
ещё не слета.

В ответ услышу тихий стон
и нежный голос:
- Земля из павшего зерна
рождает колос.

Не предаются ни любовь,
ни честь, поверьте!..
Сквозь шум метели
слышу я
шаги в бессмертье!

Мужики

В поисках правды

Мужики надумали ехать с жалобой в Архангельск (тогда не было Вологодской области, а был Северный край с центром в Архангельске). «Этого быть не может, - говорили они, - чтобы за прекращение колхоза всё отбирали, это вредители у нас в Вологде. Хотят выслужиться перед Сталиным, что коллективизацию закончили досрочно».

Жалобщиком выбрали меня. А сопровождающим - Чуранова Дмитрия Александровича, моего дядю по матери, у него в Архангельске были знакомые, и потому было где переночевать. Денег на билеты нам собрали мужики.

До Архангельска добрались благополучно. Приехали в Архангельск вечером и вскоре были у дядиных знакомых.

К девяти часам утра пришли к крайкому партии. В то время это было самое красивое здание в Архангельске. У входа стоял милиционер. Мы подошли и хотели спросить, как пройти на приём к первому секретарю. Но не успели ступить на первую ступеньку обширного крыльца, как послышался окрик: «Стойте! Назад! Сюда нельзя». Я всё же стал подниматься, на ходу объясняя, что нам нужно. Но тут грозный окрик и свисток: «Назад!»

Из дверей вышел второй милиционер. Первый показывает на меня:

- Вот лезет и слушать ничего не хочет.

Второй быстро подбежал ко мне:

- Что, в кутузку захотел? Пошёл прочь! Куда лезешь?!

Я не испугался и тоже повысил голос:

- Что вы орёте? Не можете по-человечески ответить?

Но он вытолкнул нас с крыльца, повторяя одну фразу:

- Сюда нельзя!

- Мы приехали на приём к первому секретарю по важному делу.

- А где вызов?

- У нас вызова нет.

- Так кто вас направил?

- Мужики нас направили.

- О-о! Это не действительно.

Пытался я расспросить, как нам передать жалобу первому секретарю.

- Никаких мы жалоб не принимаем... Идите, идите мужики, а то я направлю вас в милицию.

Мы отошли, посоветовались и решили - всё равно нам нужно идти в крайисполком.

Вернулись. Милиционера на крыльце не было. Зашли в парадную дверь. Большое фойе. Стали осматриваться, куда нам направиться. Поднялись на второй этаж, а там у тумбочки сидит милиционер:

- К кому вы, мужички?

- Нам бы к председателю крайисполкома...

- По какому вопросу?

- Да мы с жалобой...

- О-о! Да на кого же вы жалуетесь?

- На местную власть.

- Председатель крайисполкома по личным делам никого не принимает.

- Так ведь мы не по личным, мы по общественным. Мы по поручению всей деревни....

- И по поручению всей деревни не принимает. Ему дел хватает без вас.

- А можно, мы пройдем к нему и попросимся?

Засмеялся милиционер:

- А зачем же меня сюда поставили? А затем, чтобы я никого туда не пропускал.

- А к заместителю его можно?

- Тоже нельзя.

- А почему?

- Да потому же... А вы по какому делу-то?

- Мы по колхозу.

- Так бы сразу и говорили, вам нужно в земельный отдел. А при нём есть отдел колхозов. Выходите на улицу, в конце здания будет маленькое крыльцо, на второй этаж, а там найдёте.

Милиционер был пожилой и вежливый, нам понравился. Мы без труда разыскали нужный отдел.

В большой комнате стоит много столов, и за каждым сидит человек. Мы зашли, сняли шапки, по-

- Вызовите милиционера и задержите их.

А я ещё покричал на них от души, сам прикидывая, через сколько времени может явиться милиционер. Решил - хватит, пора уходить. По пути крикнул: «Предатели советскую власть!»

Мы поспешно вышли в коридор, по пути присмотрели другую лестничную клетку, и вышли благополучно во двор, а там на соседнюю улицу. Так закончилась наша официальная миссия.

Мне стало ясно, что так делается везде, это не местная ошибка, а указание сверху - любым пу-

щи плакат: «За проезд на товарных поездах - к уголовной ответственности».

Всё же к полуночи я подсмотрел вагон с пиломатериалами, стал быстро забираться на него, зову дядю. А он всё не может решиться... С трудом затащил его на вагон, когда поезд уже двинулся.

Проехали часа три-четыре, замёрзли, как суслики. Решили на следующей станции выйти согреться, чайку попить. Так и сделали... Стали ждать, когда пойдёт следующий состав. Но составы шли мимо, не останавли-

этаж. На двери написано - секретариат, зашли. Нас принял молодой человек лет тридцати пяти, спросил фамилии, откуда приехали, зачем. Мы рассказали нашу жалобу.

- Всё ясно, вам нужно возвращаться домой, убедить мужиков немедленно обратно организовать колхоз, и у вас никто ничего не отберёт.

- Так вот, мужики не ужались и вторично не хотят вступать в колхоз.

- Тогда дело ваше плохо. Мало того, что у вас впряме отобрать всё, но сопротивляющихся могут осудить. Всё, можете идти.

Вот и всё».

Наконец, мужики убедились: дальше некуда обращаться и надо сдаваться. Агитаторы и политотдел МТС не оставляли без внимания непокорных мужиков, и на очередной сходке им было предложено подавать заявления о приёме в соседний колхоз «Великая стройка» в деревне Лоптуново. Все подали заявления, но не всех разрешили принимать. Отца как председателя бывшего колхоза и членов правления колхоза не приняли в колхоз, а подали на них в суд за развал колхоза.

Всё это дело происходило в конце апреля или в начале мая 1932 года. Позднее и наши семьи были приняты в колхоз.

В июне состоялся суд над правлением колхоза. Он состоялся в деревне Лоптуново, в бывшем поповском доме. Отец взял с собой пару белья и мешочек сухарей. Было зачитано обвинительное заключение. Свидетелем выступал представитель сельсовета. Судья спросил:

- Кто ещё может выступить с показаниями?

Наши все молчали. Выступали с краткими заявлениями мужики из соседних деревень. Все хорошо отзывались об отце и остальных членах правления. Но выступления все были очень краткими и однообразными. Кроме выступившего последним Городецкого - мужа нашей учительницы, который работал в городе и сам недавно возвратился из заключения. В заключении он пробыл около двух лет за то, что когда-то был членом партии эсеров.

Его выступление было логично и доказательно, все пункты обвинения были опровергнуты. Даже самому неспособному стало ясно: не за что судить мужиков. Но суду никаких доказательств не нужно было, он был нем и глух к фактам и логике. У него есть указание сверху - осудить.

Приговор гласил: «За халатное отношение к служебным обязанностям, вызвавшим развал колхоза, приговорить виновных к одному году исправительно-трудовых работ в лагерях условно».

Надо, сказать что Глухов, руководивший созданием колхозов в наших местах, был не глуп и всё же не зверствовал, как это бывало в других местах, где за развал колхоза давали до десяти лет, а семьи ссылали на север.

(Продолжение следует).

Павел ЗОЛотов

Записки вологжанина

(Продолжение. Начало в «Маяке» №№ 53, 65, 75, 85, 91, 100 за 2015 год, № 6 за 2016 год)

здоровались.

- Нам бы к председателю отдела по колхозам.

Нам показали на дверь в конце комнаты, прошли туда. Комната небольшая, сидят за столами три человека.

- Нам бы председателю.

- По какому вы вопросу?

- Мы с жалобой.

- На кого же?

- Да на местную власть.

- О-о! Тогда мы не правомочны разбирать вашу жалобу.

- А кто может разобрать нашу жалобу?

- В чем же смысл вашей жалобы?

Я кратко изложил суть нашей жалобы и не забыл сослаться на Ленина о добровольности.

- Вашу жалобу никто разбирать не будет. Все вступают в колхозы, а они разбежались. Этими вопросами занимаются на местах в райисполкомах, туда и надо обращаться.

- А если они делают неправильно, нарушают законы, тогда кто должен их заставить делать правильно?

- На месте виднее: кто неправильно делает, того поправят.

А здесь никто не будет заниматься вами, своей работы хватает.

- А Ленин принимал крестьянских ходяков, разве у него меньше было работы?

Тут один, по-видимому, старший, не выдержал и повышенным голосом заявил:

- Хватит, граждане! Никто вашу жалобу рассматривать не будет. Вас надо судить.

Тогда и я взорвался. Я всегда взрываюсь, когда на меня повышают голос.

- Если нас надо судить, то вас, жандармов, давно надо расстрелять! Если бы был жив Ленин, он бы вас и расстрелял.

Он в соседнюю комнату:

тём удерживать спешно созданные колхозы.

Дядя Митрей так перепугался, когда я начал кричать на них, что ухватился за мой пиджак сзади и так тянул книзу, чуть пуговицы не оборвал. А когда вышли на соседнюю улицу, сказал:

- Так нельзя. Пойдём отсюда подалее.

Все дела в Архангельске закончили за один день, простились с хозяевами, у которых ночевали и отправились на вокзал. Дядя встал в очередь за билетами, а я сел на скамеечку. Иногда я менял его в очереди и давал ему отдохнуть. Осталось два человека до кассы. Вдруг дядя стал рыться в карманах и растерянно подходит ко мне:

- Вытащили у меня деньги.

Что будем делать? Продать ничего. Дядя сказал: пойдём пешком.

- А чего будем есть? - спрашиваю я. - Пойдём на товарную станцию, заберёмся в товарный вагон и в путь.

Пришли на товарную станцию. Там составов много. Но дядя садиться боится, на каждой стан-

ция могут осудить. Всё, можете идти.

Вот и всё».

Наконец, мужики убедились: дальше некуда обращаться и надо сдаваться. Агитаторы и политотдел МТС не оставляли без внимания непокорных мужиков, и на очередной сходке им было предложено подавать заявления о приёме в соседний колхоз «Великая стройка» в деревне Лоптуново. Все подали заявления, но не всех разрешили принимать. Отца как председателя бывшего колхоза и членов правления колхоза не приняли в колхоз, а подали на них в суд за развал колхоза.

Всё это дело происходило в конце апреля или в начале мая 1932 года. Позднее и наши семьи были приняты в колхоз.

В июне состоялся суд над правлением колхоза. Он состоялся в деревне Лоптуново, в бывшем поповском доме. Отец взял с собой пару белья и мешочек сухарей. Было зачитано обвинительное заключение. Свидетелем выступал представитель сельсовета. Судья спросил:

- Кто ещё может выступить с показаниями?

Наши все молчали. Выступали с краткими заявлениями мужики из соседних деревень. Все хорошо отзывались об отце и остальных членах правления. Но выступления все были очень краткими и однообразными. Кроме выступившего последним Городецкого - мужа нашей учительницы, который работал в городе и сам недавно возвратился из заключения. В заключении он пробыл около двух лет за то, что когда-то был членом партии эсеров.

Его выступление было логично и доказательно, все пункты обвинения были опровергнуты. Даже самому неспособному стало ясно: не за что судить мужиков. Но суду никаких доказательств не нужно было, он был нем и глух к фактам и логике. У него есть указание сверху - осудить.

Приговор гласил: «За халатное отношение к служебным обязанностям, вызвавшим развал колхоза, приговорить виновных к одному году исправительно-трудовых работ в лагерях условно».

Надо, сказать что Глухов, руководивший созданием колхозов в наших местах, был не глуп и всё же не зверствовал, как это бывало в других местах, где за развал колхоза давали до десяти лет, а семьи ссылали на север.

(Продолжение следует).